

НОМО PSYCHOTHERAPEUTICUS, ИЛИ ПСИХОТЕРАПИЯ В ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

А.М. Зотов

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва», Самара, Россия

Для цитирования: Зотов А.М. *Homo psychotherapeuticus*, или психотерапия в отражении современной философии // Аспирантский вестник Поволжья. 2021. № 7–8. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.40-48>

Поступила: 04.10.2021

Одобрена: 11.10.2021

Принята: 22.10.2021

▪ Психотерапевтические практики всегда имеют в своей основе теории личности. Столетний опыт психотерапии показал сравнительно равную эффективность различных направлений. Может ли философская антропология помочь в исследовании парадокса эквивалентности? Могут ли специалисты в своих поисках шагнуть за пределы привычного психотерапевтического дискурса в понимании субъекта психотерапии? В статье исследуется связь между «судьбой субъекта» в философии XX в. и вопросами персонологии в психотерапии. Статья адресована философам, психологам, педагогам, тем специалистам, которые реализуют персоналистский подход в своей практике.

▪ **Ключевые слова:** философская антропология; психотерапия; личность; парадокс эквивалентности; *homo psychotherapeuticus*.

HOMO PSYCHOTHERAPEUTICUS, OR PSYCHOTHERAPY IN THE REFLECTION OF CONTEMPORARY PHILOSOPHY

A.M. Zotov

Samara National Research University, Samara, Russia

For citation: Zotov AM. *Homo psychotherapeuticus*, or psychotherapy in the reflection of contemporary philosophy. *Aspirantskiy Vestnik Povolzh'ya*. 2021;(7-8):40–48. DOI: <https://doi.org/10.55531/2072-2354.2021.21.4.40-48>

Received: 04.10.2021

Revised: 11.10.2021

Accepted: 22.10.2021

▪ Psychotherapeutic practices are always based on personality theories. The century-old experience of psychotherapy has shown relatively equal effectiveness of various directions. Can philosophical anthropology help in the study of the equivalence paradox? Can specialists in their search step beyond the usual psychotherapeutic discourse in understanding the subject of psychotherapy? The article examines the connection between the “fate of the subject” in the philosophy of the XX century and the issues of personology in psychotherapy. The article is addressed to philosophers, psychologists, educators, those specialists who implement a personalistic approach in their practice.

▪ **Keywords:** philosophical anthropology; psychotherapy; personality; equivalence paradox; *homo psychotherapeuticus*.

Актуальность

Четвёртый вопрос Канта «Что такое человек?» имеет для психотерапевта сугубо практический характер. В начале каждой психотерапии специалисту приходится отвечать на сформулированный таким образом вопрос и каждый раз исключительно — «Что такое *этот* человек?», сидящий напротив и нуждающийся в помощи. Любые гипотезы, которые могут возникнуть при размышлении над этим

вопросом, сразу же проверяются практикой — в этом, возможно, коренное отличие психотерапии от философии. Учитывая такую постановку вопроса, психотерапевту приходится быть в некоторой степени антропологом, если он собирается помогать не только в формате выученных гипотез, принадлежащих к сформированным парадигмам, и если он видит перед собой уникального человека, вписанного в систему значимых отношений

и смыслов, а не только патологически работающую, «сломавшуюся» систему, набор синдромов и нозологий. Поэтому с понимания своего визави начинается вся психотерапия. В чём здесь скрывается проблема? Почему сейчас для эффективной психотерапии недостаточно быть адептом какого-либо признанного течения? *Столетие психотерапевтической практики показало, что эффективность разных психотерапий примерно одинакова* [14].

У. Стайлз и соавт. [6] описывают «парадокс эквивалентности» в психотерапии — приблизительно равную эффективность лечений, учитывая при этом, что в разных видах терапий существенно различаются отношения между пациентом и психотерапевтом. «До тех пор, пока этот парадокс не будет разрешён, понимание механизмов лечения останется весьма ограниченным» [6, с. 88]. Из этого парадокса следуют сразу несколько вопросов: что мы, специалисты, делаем, если делаем методологически разное, а в итоге выходит примерно одинаковая эффективность?, что именно работает в психотерапии, что нужно сохранить, а что нужно отсечь в практиках помощи пациентам?, как стандартизировать исследования эффективности, какие общие объективные параметры для подсчётов выбрать, и вообще, поддаётся ли психотерапевтическая помощь стандартизации? и т. д. А.И. Сосланд пишет: «Сегрегация известных методов психотерапии на „научно проверенные“ и иные является поводом для главного „научного скандала“ в современном профессиональном сообществе. Среди „непроверенных“ оказались школы с давними традициями, с большим влиянием в профессиональном сообществе. Гештальт-терапия, психодрама, разговорная психотерапия по К. Роджерсу, нейролингвистическое программирование и другие пока официально не признаны и не подлежат оплате по системе медицинского страхования» [16, с. 46] (речь идёт о здравоохранении Германии, похожая ситуация наблюдается и в других странах. — *Прим. автора*).

Во-вторых, проблемой остаётся и усугубляется из-за промедления недостаточная институализация, легитимация психотерапии, которая никак не найдёт себе место среди других наук. Разработка понятийного аппарата, в том числе с опорой на концепт личности, а возможно, и на другие ключевые концепты (контакт, проблема, мотивация, норма, патология и т. д.), требует продолжения. «Психотерапия пребывает в поле напряжения между двумя полюсами. Противопоставление номотетического подхода (генерализирующего) и идеографического (индивидуализиру-

щего) в контексте классификации наук давно стало общим местом. Проблема здесь в том, что оба эти подхода сталкиваются на одном поле. Психотерапия не может фундаментализировать себя как естественно-научная дисциплина, ибо уникальность любой терапевтической ситуации под влиянием множества факторов не уместится в рамки, подходящие для операционализации и количественного исследования. В ней практически невозможна ситуация „экспериментальной воспроизводимости“. С другой стороны, психотерапия функционирует в режиме терапевтических дисциплин, где требуется соответствие критериям полезности, эффективности, отчётности. Эти факторы в значительной степени определяют своеобразие и противоречия в психотерапии как науке, практике, а также внутри профессионального сообщества» [16, с. 49]. Трудности в валидации методов психотерапии связаны не только со сложностью определения соотносимых критериев. Самых разновидностей психотерапии известно уже более 400, описано более 300 синдромов нарушенной психики, и если «поставить себе задачу эмпирическим путём установить, какие виды психотерапии или их сочетания оптимальны для лечения одного расстройства, то придётся опробовать астрономическое количество сочетаний» [6]. Такое количество методов, конечно, акцентирует на себе внимание и заставляет задуматься о сути происходящих процессов, а также снова и снова сподвигает методологов разрабатывать синтетические концепции понимания личности и способы терапевтического изменения её. «Одновременное параллельное существование многочисленных методов, а также постоянное появление новых делает психотерапию дисциплиной с сомнительной легитимностью. Дело обстоит так, что мы, в сущности, не располагаем адекватной технологией анализа различных составных этой дисциплины. Исключительная сложность предмета «человек» оставляет пока неразрешёнными и самые ключевые вопросы, касающиеся специфичности связи «причина – симптом» и связи «симптом – метод» или даже «симптом – приём». Связь между жизненными ситуациями, психическими травмами и их клиническими последствиями весьма свободна» [16, с. 54].

Возможно, экскурс в граничную и, в некотором смысле, «материнскую» для психотерапии область — философию — поможет прояснить основания сложившихся трудностей? Начиная с конца XIX — начала XX в., — со времени появления психотерапии как самостоятельной дисциплины — всё отчётливее

становится идейное взаимообогащение психотерапии и философии. Экзистенциальный, феноменологический, психоаналитический, структуралистский и постструктуралистский подходы в теории и практике в обеих сферах отражают это взаимовлияние, организуя векторы для новых интуиций как для «специалистов по человеческой душе», так и для исследователей вопросов метафизики. Как пример, сегодняшняя философия во многих магистральных направлениях пропитана психоаналитическими идеями, «говорит» на психоаналитическом языке. Работы З. Фрейда и Ж. Лакана в нынешних библиографиях находятся вместе с текстами М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Ж.-Ф. Лиотара. А феноменологию К. Ясперса или П. Рикера считают «своей» как в науках о душевном здоровье, так и в философских дискурсах. В предисловии к русскому переводу «Общей психопатологии» Ясперса психиатр Т. Дмитриева пишет: «Методологическую базу работы составили метод дескриптивной психологии (феноменология) Гуссерля и „описательная и расчленяющая психология“ Дильтея, которую Ясперс обозначил термином „описательная психология“. Такой подход дал возможность доступно и чётко описать психические нарушения» [23, с. 3]. Системные взгляды, «экология разума», эпистемология, разрабатываемые Г. Бейтсоном, — ещё один пример «прописки» выдвигаемых идей в обеих сферах.

Сосредоточим своё исследовательское внимание на одном, фундаментальном и сквозном (общем, как для философии, так и для психотерапии) понятии — понятии субъекта. Вопрос о субъекте, о «судьбе» субъекта, — один из ключевых вопросов для обеих дисциплин и практик.

В пространстве психотерапии отдельный субъект (акцептор психотерапевтической помощи) во всей своей полноте представлен со стороны страдания, болезни, проблемы, и рассматривается через соответствующую оптику психологических теорий, то есть через теории личности. Нужно сделать одно уточнение — психотерапевтическая и психологическая помощь рефлексирована в исследуемом вопросе в едином контексте, равноправно, поскольку теоретически основывается на одних принципах, пользуется близкими методологиями, различаясь в практике на уровне целей, задач и контрактов на взаимодействие. В специальной литературе по психотерапии субъект (он же объект воздействия) традиционно обозначен через конструкт личности. Личность является ключевым понятием *везде*, где речь идёт об индивидуальной психотера-

пии. Личность, её структура и проявления, значимые межличностные отношения служат мишенями для лечебных или консультативных процедур [1]. Но разработка практического инструментария (как это традиционно обозначается — личностно-ориентированной психотерапии) невозможна без предшествующей разработки понятия личности. В этом процессе происходит регулярный дрейф идей между философией и психотерапией. В этой связи очевидным кажется предположение, что вместе с идеями перемещаются и проблемы в согласованиях, например во взглядах на личность человека.

Возможно ли продуктивное исследование взаимодействия психотерапевт-пациент в оптике других парадигм, не базирующихся на фундаменте концепта личности?

1. *Homo psychotherapeuticus*

Обозначим субъекта психотерапии вне личностной системы координат, как *homo psychotherapeuticus*, то есть **Человека психотерапевтического**, живущего и определяющего себя в терапевтическом взаимодействии, среде. Выделив особую субъектность — *homo psychotherapeuticus* — вне классического психотерапевтического дискурса, отметим, что сама традиция определения человека через его характерную черту, проявление, активность, деятельность, среду имеет давний характер. К уже известным *homo sapiens*, *homo faber* (М. Шелер, К. Маркс, Х. Арндт), *homo ludens* (Й. Хейзинга), *homo symbolicus* (Э. Кассирер), *homo deus* (Ю. Харари), *homo psychologicus* и т. д. всё добавляются другие, в связи с новыми пониманиями природы человека, его характерных черт, формирующей среды и прочее. В этом плане *homo psychotherapeuticus* стоит ближе всего к *homo psychologicus* [19], при этом концептуально отличаясь по основным пунктам. Для *homo psychotherapeuticus* уже недостаточно обычного психологического языка, определения себя в категориях саморазвития, личностного роста, соблюдения личностных границ, коммуникативных компетенций и т. д. Этот субъект в большей степени медиализирован [8], всё больше в его речи «психиатрии»: «шизик», «психопат», «пограничник», «аутист», «абьюзер», «лудоман», «параноик», «нарцисс»... Своё состояние он определяет через «депрессию», «невроз», «психоз», «стресс». Self-harm, самоповреждения, становятся характерными стигмами этого субъекта не только в связи с душевными расстройствами, но и в качестве знака принадлежности к мейнстриму. Среда этого субъек-

екта тоже наделяется психотерапевтической силой и контекстом. Как грибы растут специалисты йога-терапии, терапии картами Таро, ассоциативными картами, ландшафтом, парусным спортом, животными (канис- и иппотерапия), танце-двигательной психотерапии, танатотерапии, песочной терапии, трансформационных игр и т. д. Психотерапевты, в свою очередь, всё чаще посещают (что уже предписывается этическим кодексом специалиста) личные терапии, супер- и интервизии, балинтовские группы и проч.

Так кто такой *homo psychotherapeuticus*? С одной стороны, это пациент, клиент, обратившийся за помощью. Специалист, с другой стороны, также являясь субъектом взаимодействия, развернут к пациенту (клиенту) своей «инструментальной», профессиональной стороной. Он тоже *homo psychotherapeuticus*. Отметим недостаточность указания на то, что специалист в общении только инструментален, функционален. Человек, надевающий белый халат на работе, не способен «снять» все проблемы, мысли и чувства, связанные с пациентами, после ухода с работы, то есть «снятия халата». Он продолжает думать, переживать рабочие проблемы и в своей личной жизни, «работа не выгружается из головы». Это делает очевидным то, что в пространство психотерапии специалист включён всем своим естеством и бытием безраздельно. Иными словами, *homo psychotherapeuticus* являются оба субъекта психотерапевтического взаимоотношения и взаимодействия. Врач и пациент (психолог и клиент) решают схожие задачи: пациент лечится, психотерапевт тоже регулярно проходит свою личную терапию или супервизию. Их объединяет единый психотерапевтический процесс, где они находятся в специфических отношениях, например в переносно-контрпереносных. В их психической деятельности обнаруживаются схожие феномены: оба со временем становятся репрезентациями в бессознательном друг друга или существуют в качестве нарративов друг о друге. Наконец, они формируют общую среду, в которую включены родственники с обеих сторон, коллеги и прочие. Именно поэтому и тот, и другой — *homo psychotherapeuticus*. Эту связанность можно выразить в ироничной манере Ф. Перлза: «Пациент отличается от психотерапевта только степенью выраженности невроза» [11].

Таким образом, можно наметить параллель между концептом «личности» в психотерапии и специфической субъектностью в философско-антропологическом дискурсе, обозначенной как *homo psychotherapeuticus*.

2. Концепт «личности» в фундаменте психологии

Начиная с конца XIX в., молодая наука психология активно включилась в исследование вопроса, что такое человек. К этому времени философия и теология уже проделали большую работу в поиске ответов на этот главный вопрос. «Одним из существенных аспектов неуклонного вхождения психологии в современную науку является изучение ею личности человека» [21, с. 14]. И «основная цель сегодняшней психологии личности — объяснить с позиций науки, почему люди ведут себя так, а не иначе» [21, с. 14]. Задачи, которые начала ставить для себя психология и ставит до сих пор, решаются в верифицируемых экспериментах, доказательных исследованиях с привлечением математического аппарата для обработки данных. Выдвигаемые концепции всегда должны были проходить «проверку на прочность» в практике. XX в. сопровождался всплеском развития психологии с веером методологий, концепций и выходов в практическое применение. И всегда объектом внимания психологов была личность человека в том или ином её проявлении. При этом в такой объективации человека заложена проблема: «В самой психологии имеет место определённое сопротивление процессу „объективации“ личности: некоторые психологи доказывают, что попытки в этом направлении могут зайти слишком далеко, а это грозит разрушением представления об уникальности и сложности человеческой натуры» [21, с. 14].

Говоря о личности человека, нужно понимать, что речь идёт об утверждении чего-то свойственного человеку, приданного ему, положенного в основу его самосознания. В таком случае, стоит рассмотреть личность как концепт, принятый на вооружение с самого появления психологии и используемый до сих пор практически везде как в экспериментальной психологии, так и в психотерапии.

Психологическое понимание личности выстраивалось в тесной связи с её философским осмыслением. В европейской культуре понятие личности восходит к латинскому «персона», что «означало маску актёра в театре, социальную роль и человека как некое целостное существо, особенно в юридическом смысле» [22, с. 264]. В классической латыни *persona* имеет значение «маска». Но римской традиции отмечена производность *persona* от глагола *personare*, что значит «наполнять звуками»,

«непрерывно звучать». В частности, Боэций пишет: «Слово *persona* образовано от глагола *personare* (громко звучать) <...> полая маска непременно должна усиливать звук» [2, с. 413]. Боэций же дал определение личности, надолго ставшее классическим: «индивидуальная субстанция разумной природы» [2, с. 413]. Таким образом, личность у древних греков и римлян понимается скорее как «личина», маска, которая не есть лицо человека, но между которыми складывается сложная двусторонняя связь. «Переход от театральной маски к моральной личности, обладающей внутренним единством, завершился в христианстве. „Персона“ получила также и душу, являющуюся основой человеческой индивидуальности и неуничтожимым, метафизическим ядром личности» [4, с. 269].

В Средние века была распространена другая этимология слова *persona* — «*per se ipsa*» («единая сама по себе»). Понятие персоны получило выраженную религиозную окраску. Маска стала выражением нового положения человека, его приобщения к сакральному, священному началу. Она является знаком изменений, трансформации человеческого бытия, знаком перехода к иному виду бытия, символом вхождения в инобытие, в пространство значимого бытия [7].

В Новое время понимание личности развивалось под влиянием Декарта (личность отождествляется с сознанием), Лейбница (внутреннее рефлексивное чувство), Гоббса (свободная личность, свободный человек), Локка (самосознание). Кант определяет личность как субъект исполнения нравственного долга, учитывая то, что человек детерминирован как природными, так и социальными закономерностями [22]. Фейербах в своих работах указывает на тело, как на силу, без которой не мыслима личность. «В дальнейшем понятие „личность“ в западном философском теоретизировании продолжало развиваться по азимуту свободы» [22, с. 265]. Для Ясперса «осевое время» приводит к превращению человека в «свободную личность на основе самосушей экзистенции» [24, с. 31].

В отечественной традиции определение личности формируется в поле размышлений византийских и древнерусских религиозных философов. Обозначается родственная связь между личностью и «ликом», и, как следствие, вырастает определение личности как подлинной и совершенной.

Таким образом, ассимилируя философские взгляды, психология строит свою персонологию.

3. Персонологический подход в психологии

Психологи Л. Хьелл и Д. Зиглер в своём фундаментальном труде «Теории личности» концептуализируют общие положения определений в теориях личности и выделяют компоненты теории личности, в которых должно раскрыться содержание выдвинутой теории и границы её применения. Среди критериев оценки теорий личности Л. Хьелл и Д. Зиглер отмечают: верифицируемость, эвристическую ценность, внутреннюю согласованность, экономность, широту охвата и функциональную значимость. А также определяют основные бинарности, полярности, касающиеся рассмотрения природы человека: свобода – детерминизм, рациональность – иррациональность, холизм – элементаризм, конституционализм – инвайронментализм, изменяемость – неизменность, субъективность – объективность, проактивность – реактивность, гомеостаз – гетеростаз и познаваемость – непознаваемость [21].

Одним из первых, не в качестве магистрального направления, но как вполне успешная и новаторская методика в формирующейся психотерапии стал использоваться так называемый сократовский или сократический диалог. Среди зачинателей метода — невропатологи П. Дюбуа и Ж. Дежерин. П. Дюбуа в книге «Психоневрозы и их психическое лечение» описал разработанный им метод рациональной психотерапии, противопоставив его гипнотерапии. По словам П. Дюбуа, этот метод должен был рассеять ошибки в суждениях больного о своём заболевании. Ж. Дежерин, признавая важность рациональных убеждений и работы с ними, обозначил не меньшую важность эмоционального доверия пациента к врачу. Метод сократического диалога, восходящий к деятельности Сократа, имеет двухчастную структуру [13]. «При этом движение внутри диалога очень часто проходит по известной нам от Бека (имеется в виду Аарон Бек, один из столпов современной когнитивно-поведенческой терапии. — Прим. автора) схеме: внешние события (стимулы) → когнитивная система → интерпретация (мысли) → чувства или поведение» [12, с. 42]. В целом, можно говорить не столько о методике сократического диалога, сколько о соответствующем коммуникативном стиле специалиста, так как «...сократический метод интервьюирования поощряет клиента рассматривать, оценивать и синтезировать различные источники информации, большинство из которых уже были известны клиенту ранее»

[13, с. 9]. Терапевтическая истина в таком разговоре не рождается в буквальном смысле, не предлагается психотерапевтом. Ей позволяют проявить себя в ситуации диалога и эмоционального доверия. По-другому можно было бы сказать, что пациент не знает только одно — то, что он уже всё, что ему надо, знает, но это знание пока не присутствует в сознании. Задача специалиста — помочь этому знанию появиться.

Конец XIX в. не случайно оказывается началом рациональной терапии, диалогов. Ведь это время распространённого рационализма, сциентизма, открытий в естественно-научной сфере. В дальнейшем рациональная психотерапия как работа с когнициями, иррациональными убеждениями, «слепыми пятнами» в сознании, установками и рассогласованиями эксплицитно или имплицитно становится частью основных направлений психотерапевтической помощи: когнитивно-поведенческого, психодинамического (психоаналитического), экзистенциально-гуманистического.

4. К синтетической теории личности

Теории личности и опирающиеся на них психотерапевтические методологии продолжают развиваться, исходя из философских и естественно-научных традиций исследователей, следуя за практикой и новыми открытиями, в том числе, в смежных областях знаний, например в современной физике, кибернетике, лингвистике, нарратологии. Научно-практические школы психологии и психотерапии продолжают разрабатывать интегративные теории личности. Например, отечественная психотерапевтическая школа, которая началась с работ В.Н. Мясищева и продолжилась исследованиями Б.Д. Карвасарского, А.А. Александрова, Э.Г. Эйдемиллера, В.И. Курпатова, предлагает модель личности из двух связанных составляющих: эндо- и экзопсихики [18].

Психоаналитик Н. Мак-Вильямс, одна из признанных современных специалистов, в книге «Психоаналитическая диагностика», имеющей важное подназвание: «Понимание структуры личности в клиническом процессе», также концептуализирует подходы к пониманию личности. Она отмечает основные парадигмы, «существующие внутри психоанализа — теорию драйвов, Эго-психологию, теорию объектных отношений, теорию собственного “Я”, — которые открывают пути к пониманию характера людей» [10, с. 32]. Каждого человека при этом можно описать, как имеющего определённый тип организации характера и уровень развития личности.

Вопросы общего психотерапевтического языка, понимания, теории постоянно актуализируются в коллегиальных обсуждениях, полемических статьях, книгах. В. Винокур иллюстрирует позицию принципиальных противников «общей теории»: «Аргументами в пользу того, что формирование интегративной психотерапии невозможно, служит представление, что теоретической основой психотерапии является психология личности, а интегративная личностная теория не существует и вряд ли появится, поскольку различные теории личности базируются на глубоко различных мировоззренческих позициях. Кроме того, в качестве одного из основных факторов эффективности психотерапии — и это не вызывает разногласий в разных психотерапевтических школах — особое внимание уделяется взаимоотношениям врач – пациент как одному из основных факторов эффективности психотерапии, а характер этих отношений во всех основных направлениях психотерапии (психодинамическом, гуманистическом и поведенческом) определяется и выстраивается по-разному, требует разного по своему характеру и по степени выраженности участия психотерапевта, по-разному влияет на эффективность терапии и даже выполняет разные терапевтические функции» [3].

5. За пределами психотерапии

В пространстве философской антропологии со своей стороны, в традициях собственного дискурса также полемизируется проблема современного субъекта, в том числе, обозначенного нами как *homo psychotherapeuticus*. П. Рикер, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, Ю. Хабермас, Ж. Деррида, С. Жижек — вот далеко не полный перечень мыслителей, существовавших и высказавшихся по данному вопросу. В.А. Мазин, к примеру, исследует отношения психоанализа и деконструкции. Места встреч Фрейда и Деррида для него — «тексты Деррида, наполненные как непосредственными, так и косвенными обращениями к Фрейду» [9, с. 5]. В духе дискурса взаимных отсылок В.А. Мазин цитирует Рене Жажора: «...невозможно не только представить деконструкцию без психоанализа, но и психоанализ немислим без Деррида» [9, с. 5]. А «деконструкция феноменологического субъекта производится при активной поддержке Фрейда с его теориями последствия и творения мнестических следов» [9, с. 7].

Огромную популярность в контексте судьбы страдающего и расколотого субъекта,

приобретает обсуждение нарциссизма, нарциссического героя, «героя нашего времени». Философы «видят» множество текущих социальных, политических и культурных процессов через призму нарциссизма, психотерапевты отмечают приток нарциссической клиентуры в их лечебные кабинеты. Современные нарциссические тенденции отмечены в работах Т. Адорно, Р. Лэша, Ж. Липовецки, П. Козловски, А. Секацкого, Ю. Разинова и др. «Нарциссический тип личности является символом перехода от «ограниченного» индивидуализма к «тотальному»» [5, с. 204]. «На смену традиционно понимаемому индивидуализму пришёл гедонистический, психологический индивидуализм, считающий главной ценностью личные достижения. Нарцисса больше не интересуют в большей степени политические, социальные проблемы, главенствующее место занимают личностные, психологические, связанные с заботой о себе, своей самости, собственном благополучии. «*Homo psychologicus*» сменил «*homo politicus*»» [5, с. 204].

Заключение

История концепта личности, его появление в психологических теориях личности, обзор современных методологических затруднений с одной стороны, и сопутствующая трансформации в пониманиях субъекта в философии — с другой, наталкивает на размышления, что часть проблем субъекта психотерапевтической практики связана не с самой практикой или теорией психотерапии, а носит отпечаток процессов, происходящих в судьбе субъекта философского знания, отражает понимание того, «что такое человек» в философско-антропологическом дискурсе. Пока теории субъекта психологии и психотерапии — теории личности — развивались, пока в этих практиках исследовался человек страдающий и болеющий, в это же время параллельно и, испытывая взаимное влияние, изменялись взгляды на субъект в философском дискурсе. Динамика взглядов на человека в психотерапии, описываемого через концепт личности, имеет, иными словами, истоки в особенностях понимания субъекта в соответствующих философских традициях XX в. (расщеплённость, децентрированность субъекта, его «отсутствие» или «смерть», речевая или бессознательная предопределённость и т. д.) [17].

Расположив рядом развитие концепта личности в психологии и психотерапии, с одной стороны, и *homo psychotherapeuticus* — с другой, можно также отметить переход

от модернового к постмодерновому пониманию субъекта в философии [20]. Влияние этого перехода отразилось и на выделенном нами *homo psychotherapeuticus* — субъекте психотерапевтической практики. Критический подход к персонологии позволяет сдвинуть фокус внимания с личности на пространство между взаимодействующим, на практику, на контакт и контекст этого взаимодействия.

Современная психотерапия делает уверенные шаги от парадигмы индивидуализма к теории поля, взаимодействия, контакта, интерсубъективности (в частности, — к такой форме психотерапевтической помощи, как групповая психотерапия). «Разве не чересчур соблазнительно для нас вернуться к индивидуалистической и солипсической парадигме? То есть к тому, что мы решили называть „организмом“, „психикой“, „личностью“, пациентом или клиентом и т. д.? Разве не соблазнительно в силу доступности такого образа действий способствовать развитию психопатологии некоей данной изолированной сущности, даже если эта психопатология приводит к проблемам, вроде „бытия-в-мире“?» [15, с. 41], — задаётся вопросами гештальт-терапевт Ж.-М. Робин, обнаруживший эти же сомнения в необходимости фундаментального примата концепта личности в психотерапевтической практике. И далее: «Следовательно, если мы используем self как «личность» или «организм», мы делаем акцент на развитии всех типов поддержки способностей, собственных ресурсов и всего другого, что свойственно индивиду, в эгоистической позиции. Если же мы станем рассматривать self в качестве контакта, мы делаем акцент на развитии поддержки в контакте с полем (помня о том, что поле включает одновременно организм и среду). Напрашивается вывод, что стало быть, мы имеем дело с двумя весьма различными видами психотерапии?» [15, с. 42]. Похожую идею выражает другой современный философ и психоаналитик В.А. Мазин: «Формула „нет ничего вне текста“ как раз и указывает на то, что у субъекта нет никакого устойчивого основания типа „ядра“, „стержня“, „подлинного эго“, „истинного себя“, „самости“, „идентичности“, „объективного существования“, то есть всего того, на чём строятся разнообразные психологические теории» [9, с. 6]. Так центростремительные взгляды на человека сменяются центробежными. Сам человек, исследуемый во всё более увеличивающейся, детализирующей оптике, распавшийся на составляющие, временами кажется потерянным и потерявшимся. Именно поэтому преодоление текущих трудностей психотерапии видится в исследовании и ассимиляции

идей, находок, открытий из других смежных и далёких дисциплин. Перспективными направлениями в этом плане может быть дальнейшее исследование трансформации концепта личности, посторонние психотерапевтические методологии на базе других конструктов — текста, контакта, поля, взаимодействия. Помня, что главный выход всех психотерапевтических рассуждений — в практике, в помощи людям с психическими расстройствами, результаты дальнейших исследований могут носить вполне ощутимый прикладной характер.

Список литературы

1. Хайгл-Эверс А., Хайгл Ф., Отт Ю., Рюгер У. Базисное руководство по психотерапии / пер. с нем. Т. Беллендир и др. 3-е изд., перераб. СПб., 2001.
2. Бозций. Против Евтихия и Нестория // «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990.
3. Винокур В.А. Психологические аспекты интеграции в психотерапии, системный анализ и «эффект бабочки» [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России. 2012. № 1(12). Режим доступа: http://mprj.ru/archiv_global/2012_1_12/nomer/pomer03.php. Дата обращения: 14.08.2021.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984.
5. Жукова О.И., Жуков В.Д. «Нарциссический» человек как символ современного социума // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 1-2(61). С. 203–206.
6. Калмыкова Е.С., Кэхеле Х. Изучение психотерапии за рубежом: история и современное состояние // Журнал практической психологии и психоанализа. 2000. № 1. С. 5–10.
7. Костомаров А.С. Маска как способ объявления лица в социокультурном пространстве: автореф. дис. канд. филос. наук. Самара, 2006.
8. Лехциер В.Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literatūros namai, 2018.
9. Мазин В.А. Субъект Фрейда и Деррида. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–9.
10. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / пер. с англ. М.В. Глущенко, М.В. Ромашкевича. М., 2001.
11. Перлз Ф.С. Внутри и вне помойного ведра: пер. с англ. СПб.: Петербург-XXI в., 1995.
12. Попов М.В., Верхотурова Н.Ю. Философские основания когнитивно-поведенческой психотерапии по текстам Джудит Бек // Инновации в науке. 2018. № 4(80). С. 41–46.
13. Бурдин М.В, Игнатова Е.С. Психологическое консультирование и психотерапия: технология сократического диалога: учебное пособие [Электронный ресурс]. Пермь, 2019. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/psikhologicheskoe-konsultirovanie-i-psihoterapiya-tehnologiya-sokraticheskogo-dialoga.pdf>. Дата обращения: 22.06.2021.
14. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б.Д. Карвасарского. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2000.
15. Робин Ж.-М. Быть в присутствии другого: этюды по психотерапии / пер. И. Дубровский, М. Павловская. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2008. С. 41–46.
16. Сосланд А.И. Психотерапия в сети противоречий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 1. С. 46–67.
17. Ставцев С.Н. Формы субъективности в философской культуре XX века. Введение // Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
18. Курпатов В.И., Осипова С.А., Колчина В.В. Теория личности в интегративной личностно-реконструктивной психотерапии // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2010. Т. 2, № 1. С. 19–23. DOI: 10.14412/2074-2711-2010-65
19. Ты хочешь поговорить об этом? Новая психологическая культура в постсоветской Беларуси и Украине / сост., науч. ред. Т.В. Щитцова. Вильнюс: ЕГУ, 2014.
20. Хассан И. К концепции постмодернизма [Электронный ресурс]. Постмодернистский поворот. 1987. Режим доступа: <http://culturolog.ru/content/view/2765/>. Дата обращения: 27.08.2021.
21. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Основные положения, исследование и применение: учебное пособие для вузов: пер. с англ. СПб.: Питер-пресс, 1997.
22. Черноусова Л.Н. Основные концепции личности // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М.Ф. Решетнева. 2006. № 6(13). С. 263–266.
23. Ясперс К. Общая психопатология / пер с нем. Л.О. Акопяна. М.: Практика, 1997.
24. Ясперс К. Смысл и назначение истории: сборник: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991.

References

1. Hajgl-Ehvers A, Khajgl F, Ott Yu, Ryuger U. Bazisnoe rukovodstvo po psihoterapii. Transl. from Germ. T. Bellendir i dr. 3-e izd., pererab. Saint Petersburg; 2001. (In Russ.)
2. Boecij. Protiv Evtihiya i Nestoriya. In: "Uteshenie filosofiej" i drugie traktaty. Moscow: Nauka; 1990. (In Russ.)
3. Vinokur VA. Psihologicheskie aspekty integratsii v psihoterapii, sistemnyi analiz i "effekt babochki" [Inter-

- net]. *Medicinskaya psihologiya v Rossii*. 2012;(1(12)). (In Russ). Available from: http://mprj.ru/archiv_global/2012_1_12/nomer/nomer03.php. Accessed: 14.08.2021.
4. Gurevich AYa. Kategorii srednevekovoi kul'tury. 2-e izd. Moscow: Iskustvo; 1984. (In Russ.)
 5. Zhukova OI, Zhukov VD. "Narcissistic" Person as a Symbol of Modern Society. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015;(1-2(61)):203–206.
 6. Kalmykova ES, Kehkhele Kh. Izuchenie psikhoterapii za rubezhom: istoriya i sovremennoe sostoyanie. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza*. 2000;(1):5–10. (In Russ.)
 7. Kostomarov AS. Maska kak sposob ob'yavleniya lica v socio-kul'turnom prostranstve [dissertation]. Samara, 2006. (In Russ.)
 8. Lekhcier VL. Bolezn': opyt, narrativ, nadezhda. Ocherk social'nykh i gumanitarnykh issledovaniy meditsiny. Vil'nyus: Logvino literatūros namai; 2018. (In Russ.)
 9. Mazin VA. Sub"ekt Freida i Derrida. Saint Petersburg: Aleteiya; 2010. P. 5–9. (In Russ.)
 10. Mak-Vil'yams N. Psihoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom protsesse. Transl. from Engl. M.V. Glushchenko, M.V. Romashkevich. Moscow; 2001. (In Russ.)
 11. Perlz FS. Vnutri i vne pomoinogo vedra. Transl. from Engl. Saint Petersburg: Petersburg-XXI v., 1995. (In Russ.)
 12. Popov MV, Verhoturova NYu. Filosofskie osnovaniya kognitivno-povedencheskoi psikhoterapii po tekstam Dzhudit Bek. *Innovacii v nauke*. 2018;(4(80)):41–46. (In Russ.)
 13. Burdin MV, Ignatova ES. Psihologicheskoe konsul'tirovanie i psikhoterapiya: tekhnologiya sokraticeskogo dialoga: uchebnoe posobie [internet]. Perm'; 2019. (In Russ.). Available from: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/psikhologicheskoe-konsul'tirovanie-i-psikhoterapiya-tehnologiya-sokraticeskogo-dialoga.pdf>. Accessed: 22.06.2021.
 14. Psihoterapevticheskaya entsiklopediya. Ed. by B.D. Karvasarsky. 2-e izd., dop. i pererab. Saint Petersburg: Piter; 2000. (In Russ.)
 15. Robin Zh-M. Byt' v prisutstvii drugogo: etyudy po psikhoterapii. Transl. I. Dubrovskii, M. Pavlovskaya. Moscow, Institut Obshchegumanitarnykh Issledovaniy; 2013. P. 41–46. (In Russ.)
 16. Sosland AI. Psychotherapy in the circuit of contradictions. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2006;3(1):46–67. (In Russ.)
 17. Stavcev SN. Formy sub"ektivnosti v filosofskoi kul'ture XX veka. Vvedenie. In: Formy sub"ektivnosti v filosofskoi kul'ture XX veka. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo; 2000. (In Russ.)
 18. Kurpatov VI, Osipova SA, Kolchina VV. Personality theory in integrative personality-oriented reconstructive psychotherapy. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*. 2010;2(1):19–23. (In Russ.) DOI: 10.14412/2074-2711-2010-65
 19. Ty hochesh' pogovorit' ob etom? Novaya psihologicheskaya kul'tura v postsovetsoj Belarusi i Ukraine. Ed. by T.V. Shchitcova. Vil'nyus: EGU; 2014. (In Russ.)
 20. Hassan I. K kontseptsii postmodernizma [Internet]. Postmodernistkii povorot. 1987. (In Russ.). Available from: <http://culturolog.ru/content/view/2765/>. Accessed: 27.08.2021.
 21. H'ell L, Zigler D. Teorii lichnosti: Osnovnye polozheniya, issledovanie i primenenie: uchebnoe posobie dlya vuzov. Transl. from Engl. Saint Petersburg: Piter-press, 1997. (In Russ.)
 22. Chernousova LN. Basic Conceptions of Personality. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta imeni akademika M.F. Reshetneva*. 2006;(6(13)):263–266. (In Russ.)
 23. Yaspers K. Obshchaya psihopatologiya. Transl. from Germ. L.O. Akopyan. Moscow: Praktika; 1997. (In Russ.)
 24. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii. Moscow: Politizdat; 1991. (In Russ.)

▪ Информация об авторе

Алексей Михайлович Зотов — очный аспирант кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», врач-психотерапевт, главный врач медицинского центра «София», Самара, Россия.
E-mail: am-zotov@mail.ru

▪ Information about the author

Alexey M. Zotov — Postgraduate student, Department of Philosophy. Samara National Research University. Chief physician of the «Sofia» Medical Center, Samara, Russia.
E-mail: am-zotov@mail.ru